

Крестьянские дети

Крестьянские дети

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица –
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки –
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!...

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар борода не бывает – усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко – часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака – большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Крестьянские дети

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные. . .

Третий
с испугом

Глядит!

четвертый

Молчи, ничего! Постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет. . .

-

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека слыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился - снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною - всему подивились
И мой приговор изрекли:
"Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой. . ." - "Услышит, молчи! "

-

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как "низкого рода людей", -
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливым народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
"Взгляни-ка, Савося, какое колечко! "
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: "Попался спроста! "
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего званья люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держится -
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:

Крестьянские дети

"Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всём потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, -
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы шибко из носу росли..."
Рабочий расставит, разложит снаряды -
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
"Гляди, чертенята!" А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь - им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело - пилить и строгать!
Иступят пилу - не наточишь и в сутки!
Сломают бурав - и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали -
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли - навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка - не драка, игра - не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребяташки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое -
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок

На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку:
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, -
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди - уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит - содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облиялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

"Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!"

Крестьянские дети

Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно.
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведают свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: "Полезай, постреленок!"
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
"Здорово парнище!" - "Ступай себе мимо!"
- "Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?" - "Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу".
(В лесу раздавался топор дровосека.)
"А что, у отца-то большая семья?"
- "Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я..."
- "Так вот оно что! А как звать тебя?" - "Власом".
- "А кой тебе годик?" - "Шестой миновал..."
Ну, мертвая!" - крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь -
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти - дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.

Крестьянские дети

Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой -
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной! . .

-

Теперь нам пора возвращаться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
"Эй, воры идут! - закричал я Фингалу, -
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!"
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым старанием припрятал дичину,
У ног моих лег - и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! "Фингалка, умри!"
- "Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!"
- "Смотри - умирает - смотри!"
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребяташки бежали
Босые к деревне своей. . .
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

1861